

ПРИРОДА И УКЛАД ЖИЗНИ РУССКОЙ УСАДЬБЫ КАК ИСТОЧНИК ТВОРЧЕСКОГО ВДОХНОВЕНИЯ С.В. РАХМАНИНОВА: ОТРАЖЕНИЕ В КАМЕРНО-ВОКАЛЬНОМ ЖАНРЕ КОМПОЗИТОРА

М.В. Уткина¹

¹ Новосибирская государственная консерватория им. М.И. Глинки, Новосибирск, 630099, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена выявлению примеров отражения в камерно-вокальном творчестве С.В. Рахманинова ярких впечатлений, полученных композитором в мире жизни русской усадьбы. Автор рассматривает влияние сложившегося традиционного уклада российских имений как природную и культурную среду, ставшую для композитора источником эмоциональных впечатлений, творческой энергии, послужившую импульсом к развитию и расцвету его таланта. Романсы композитора, демонстрирующие обозначенное влияние, содержат широчайшую амплитуду художественных образов. Сильное воздействие последних на слушателя вызывает живой интерес к исследованию событий жизненного пути Сергея Васильевича, повлиявших на формирование его личности, становление как музыканта. В статье приводятся цитаты из работ исследователей жизненного и творческого пути С.В. Рахманинова в качестве красочных иллюстраций событий, дополняющих, уточняющих и подтверждающих важные обстоятельства рассматриваемых вопросов взятого ракурса наблюдений и размышлений. В изучение темы входят отдельные грани камерно-вокального творчества Рахманинова. Вниманию читателя предлагаются рассуждения, основанные на анализе тематического объединения романсов, изображающих через пейзажные зарисовки чувственный мир человека в многообразии его состояний и переживаний. Автор делится выводами о важности комплексного изучения биографии, писем композитора и воспоминаний современников для более глубокого осмысления содержания его произведений.

Ключевые слова: С.В. Рахманинов, русские романсы, русская усадьба, образы природы в вокальной музыке, камерно-вокальное творчество С.В. Рахманинова

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Уткина М.В. Природа и уклад жизни русской усадьбы как источник творческого вдохновения С.В. Рахманинова: Отражение в камерно-вокальном жанре композитора // *Вестник музыкальной науки*. 2023. Т. 11, № 2. С. 36–47. DOI: 10.24412/2308-1031-2023-2-36-47.

THE NATURE AND LIFESTYLE OF THE RUSSIAN ESTATE AS A SOURCE OF CREATIVE INSPIRATION OF S.V. RACHMANINOV: REFLECTION IN THE COMPOSER'S CHAMBER-VOCAL GENRE

M.V. Utkina¹

¹ M.I. Glinka Novosibirsk State Conservatory, Novosibirsk, 630099, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to identifying examples of the reflection in the chamber-vocal creativity of S.V. Rachmaninov of the vivid impressions received by the composer in the world of life of the Russian estate. The author considers the influence of the established traditional

way of life of Russian estates as a natural and cultural environment, which became for the composer a source of emotional impressions, creative energy, which served as an impulse to the development and flowering of his talent. The composer's romances, demonstrating the indicated influence, contain the widest amplitude of artistic images. The strong influence of the latter on the listener arouses a keen interest in the study of the events of Sergei Vasilyevich's life path, which influenced the formation of his personality, becoming a musician. The article quotes from the works of researchers of the life and creative path of S.V. Rachmaninov as colorful illustrations of events that complement, clarify and confirm the important circumstances of the issues under consideration from the perspective of observations and reflections. The topic includes separate facets of Rachmaninov's chamber-vocal creativity. The reader is offered arguments based on the analysis of the thematic association of romances depicting through landscape sketches the sensual world of a person in the diversity of his states and experiences. The author shares his conclusions about the importance of a comprehensive study of the composer's biography, letters and memoirs of contemporaries for a deeper understanding of the content of his works.

Keywords: S.V. Rachmaninov, Russian romances, Russian manor, images of nature in vocal music, chamber-vocal creativity of S.V. Rachmaninov

Conflict of interest. The author declares the absence of conflict of interests.

For citation: Utkina, M.V. (2023), "The nature and lifestyle of the Russian estate as a source of creative inspiration of S.V. Rachmaninov: reflection in the composer's chamber-vocal genre", *Journal of Musical Science*, Vol. 11, no. 2, pp. 36–47. DOI: 10.24412/2308-1031-2023-2-36-47.

Многие российские художники, поэты, писатели, композиторы выросли в атмосфере уклада жизни русской усадьбы, надолго сохранив испытанные здесь яркие чувства, дающие ощущение полноты внешнего и внутреннего мира, безграничного пространства, внутренней свободы, источника жизненных и творческих сил. Не случайно исследователь музыкальной культуры русской провинции Вера Ивановна Юдина утверждает: «Существенную роль для русской музыкальной культуры в целом играет феномен провинциальной усадьбы в ее личностном аспекте – как среда обитания и как духовная среда, имеющая непосредственный отклик в композиторском сознании и музыкальном творчестве, как своего рода пространство, локус музыкальной ментальности» (2013, с. 381).

Биография Сергея Васильевича Рахманинова помогает понять, какое важное значение для его творчества имели впечатления, полученные

(в любом возрасте) в усадьбах, имениях средней полосы России и русского Севера. Богатство переживаний, яркие живые эмоции он получал из этого источника новых сил, к которому всегда стремился, где обретал творческий огонь и счастливое умиротворение.

Вскоре после рождения композитора, семья Василия Аркадьевича Рахманинова (принадлежавшего к старинному дворянскому роду, просуществовавшему более четырехсот лет) переезжает из расположенной к югу от Ильмень-озера усадьбы Семеново Старорусского уезда (Новгородский край). В имении Онег, в живописной местности на берегу р. Волхов прошло детство композитора. Вот как описывают эти места исследователи жизненного пути композитора: «Небольшой одноэтажный дом с мезонином утопал в зелени яблоневого сада, переходящего в парк с вековыми елями, кленами и с небольшими прудами; тенистая аллея тянулась до самой реки.

У дома росла высокая красивая ель с разлапистыми ветвями, которую очень любил маленький Сережа» (Соколова О., 1983, с. 9).

В традиционном укладе российских имений юный Рахманинов рос в условиях, способствовавших развитию его эмоционального мира, с годами все более обогащавшегося и открывавшего новые горизонты. Жизнь в гармонии и единении с природой укрепляет в человеке лучшие его душевные качества, наполняет любовью ко всему окружающему, побуждает к развитию талантов. Действительно, «в русской музыкальной культуре усадьба может рассматриваться не столько как объект творчества, но, прежде всего, как один из главнейших факторов формирования его поэтики и эстетики» (Юдина В., 2013, с. 359).

Композитор с раннего возраста впитывал красоту живописной природы русского Севера. Биографы композитора так описывают имение, где Сережа гостил у бабушки Варвары Васильевны: «Любил старый, типично помещичий дом, расположенный на высоком берегу Матыры. От дома к реке вели широкие белокаменные ступени. На половине пути была сделана обзорная площадка с беседкой, от которой до самой воды вилась обсаженная акациями и сиренью дорожка. На берегу – заросли кудрявых раkit и множество белых лилий и золотистых кувшинок около купальни» (Илешин Б., 1981, с. 94). С детских лет Рахманинов привык чувствовать природу как жизненный родник, неосознанно впитывая ее несметные ресурсы силы и красоты. Он обретал на природе чувство внутренней свободы и пространства. Это память с детства испытанных полно-

кровных эмоций от безудержных забав, дарящих полноту чувств – будь то купание в реке, рыбалка, костры на берегу, катание на лодках, лошадах... главное в них – ощущение жизненной силы и безграничной радости.

В российских имениях сложился традиционный уклад быта русской усадьбы, где переплетались сезонная жизнь деревни и городской стиль времяпрепровождения с регулярными долгими прогулками на природе – в саду и окрестностях. А.А. Фет задает вопрос: «Что такое русская дворянская усадьба с точки зрения нравственно-эстетической?». И отвечает на него ярко, образно: «Это “дом” и “сад”, устроенные на лоне природы, когда человеческое едино с “природным” в глубочайшем органическом расцвете и обновлении...».

Интересны описания особенностей русских усадебных садов в книге Дмитрия Лихачева: «...определены в конце XVIII и начале XIX в. и заключались они в следующем. Вблизи дома владельца располагался цветник. Обязательным было выращивать в цветнике наряду с яркими цветами – душистые <...> нельзя было непосредственно переходить от (усадебной) архитектуры к свободной природе <...> прямые и узкие аллеи углублялись от дома на значительное расстояние и составляли обычно его самую характерную особенность...» (1991, с. 350).

Делалась тесная посадка деревьев (чаще – лип), для того чтобы дать спокойный приют птицам. Оберегалось птичье соседство, а значит и та эмоциональная атмосфера с буйным гомоном или, напротив, нежными трелями птичьих голосов, которую был призван создавать и сохранять

приусадебный сад. Без темных аллей не обходился ни один русский усадебный парк. «“Темные аллеи” – назван рассказ И.А. Бунина, в свою очередь давший наименование целой его книге рассказов, опубликованной в Нью-Йорке в 1943 г. и отмеченной сильнейшим чувством тоски по России <...> Для орловчанина И.А. Бунина, любившего усадебные сады, “темных лип аллея” была своего рода символом ушедшей России» (Лихачев Д., 1991, с. 348, 352). Как правило, искусственно возделанный парк переходил в естественный ландшафт, в безбрежное пространство природы. Усадьба сливалась с пейзажем, органично вписываясь в него.

В 1890 г. Рахманинов впервые приезжает в Ивановку, имение Сатиных в Тамбовской губернии, которое стало ему по-настоящему дорогим на всю жизнь. Позднее Сергей Васильевич так писал об этом: «Никаких природных красот, к которым обычно причисляют горы, пропасти, моря, – там не было. Имение это было степное, а степь – это то же море, без конца и края, где вместо воды сплошные поля пшеницы, овса и т.д., от горизонта до горизонта. Часто хвалят морской воздух, но, если бы вы знали, насколько лучше степной воздух с его ароматом земли и всего растущего... Был в этом имении большой парк, насаженный руками, в мое время уже пятидесятилетний. Были большие фруктовые сады и большое озеро» (Рахманинов С., 1955, с. 289).

«Все здесь способствовало созданию дружеской обстановки: милые, радушные хозяева, удобный, просторный дом с большим флигелем, бескрайние дали полей. В Ивановке собиралась дружная компания, туда

стекалась молодежь из соседних имений. Много было шуток, смеха, совместного музицирования, чтения, душевного общения, долгих прогулок. Были здесь и самоварные чаепития, располагавшие к доверительным беседам и занимавшие особое место в русском усадебном быте. Часто вечерами хозяева дома и гости собирались в саду на чаепитие. Лучи заходящего солнца играли на боках начищенного до зеркального блеска самовара, сработанного знаменитыми тульскими мастерами... Самовар ставился рядом с большим столом, на отдельный круглый столик. Без чаепития день был не днем... Ароматный чай пили со сливками, с медом, с вареньем. Не спеша, наслаждаясь вечерней прохладой. Это были часы отдыха, часы застольных бесед» (Илешин Б., 1981, с. 74).

«Когда засиживались в парке, в любимой беседке под тополем, родители посылали за молодежью горничную Марину... Девочки непременно просили ее что-нибудь спеть – уж очень хорош был у нее голос... ее частушки нравились всем, а особенно – Сереже» (Илешин Б., 1981, с. 69). Рахманинов выходил на сенокосные луга с ивановскими мужиками, а потом взбирался на ароматные стога сена и по вечерам слушал песни, доносящиеся с околицы. «До чего наш народ музыкален, – говорил Сергей Васильевич. – Наши народные песни прекрасны. Как я их люблю!..» (Илешин Б., 1981, с. 80).

Обычно он вставал рано, любил встречать восход солнца. Для него каждый рассвет был удивителен... Окружающая природа с ее многообразной палитрой красок, неиссякаемой гаммой звуков, приводила композитора в изумление, вызывала

прилив вдохновения. Там создавались романсы, в большинстве своем описывающие образы красоты природы, упоенность и восторг восхищения ею.

В XIX в. происходит расцвет русского романса, который становится широко востребованным жанром благодаря многообразию тем поэтических текстов, их искренности, обращенности к различным чувствам человека. Распространению жанра романса способствовали также сложившиеся традиции домашнего и салонного музицирования и связанного с этим дворянского музыкального воспитания юношества. Романсы – обязательная составляющая светских вечеров, концертов, занимают важное место и в музыкальной жизни русской усадьбы, как естественное отражение культуры светской городской среды.

Камерно-вокальный жанр предполагает возможность средствами музыкального языка запечатлеть богатейшую палитру многогранных эмоциональных состояний человека, изобразить его внутренний мир чувств, переживаний, потребностей и устремлений. Нам известны 86 произведений, написанных Сергеем Васильевичем в этом жанре. Здесь мы находим романсы и песни духовного содержания, романсы-исповеди, романсы-монологи, романсы, приближающиеся по своей развернутости к оперному ариозо, вокальные поэмы, наполненные картинами пространства стихий, могучих порывов, бушующего драматизма или гимничности, декламацией или сдержанной строгостью философских рассуждений.

В некоторых романсах Рахманинова изображены природные яв-

ления, имеющие аллегорический подтекст. Это прием изображения радостных или печальных человеческих переживаний, где символически через образы природы поэтично переданы чувства персонажей. Таковы романсы: «Утро», ор. 4 № 2, «Уж ты, нива моя», ор. 4 № 5, «Речная лилея», ор. 8 № 1. Среди зарисовок пейзажей – нежные лирические картины, дарящие гармонию, умиротворение, от которых веет свежестью, чистотой и безбрежностью простора: «Островок», ор. 14 № 2, «Ты помнишь ли вечер», «Сирень», ор. 21 № 5, «Здесь хорошо», ор. 21 № 7, «Покинем, милая», ор. 26 № 5, «У моего окна», ор. 26 № 10, «Ветер перелетный», ор. 34 № 4, «Маргаритки», ор. 38 № 3.

Композитор изображает яркие восторженные состояния полноты жизненных сил в романсах о любви и счастье, полных красок мажорной палитры. Среди них «Апрель», «Я жду тебя», ор. 14 № 1, «Не верь мне, друг!..», ор. 14 № 7, «Эти летние ночи», ор. 14 № 5, «Весенние воды», ор. 14 № 11, «Фонтан», ор. 26 № 11, «Какое счастье», ор. 34 № 12. Мечтания и философские раздумья, печальные настроения отражены в романсах «Сумерки», ор. 21 № 3, «Ночь печальна», ор. 26 № 12. Через представление бушующих стихий композитор рисует эмоциональный мир человека, переживающего психологические коллизии. Природа изображается или как сочувствующий, утешающий наблюдатель происходящих событий, или в качестве контрастирующей картины яркой цветущей жизни в сравнении с эмоциональной опустошенностью персонажа. Таковы романсы «Я опять одинок»,

ор. 26 № 9, «Буря», ор. 34 № 3, «Ночью в саду у меня...», ор. 38 № 1, «Ау!», ор. 38 № 6.

Сергей Васильевич любил мчаться мимо просторных ржаных полей. «К самому горизонту перекатывались упругие волны ржи, то с янтарным, то с пепельно-бурым отливом. Все кругом удивительно, поражающе ярко» (Илешин Б., 1981, с. 95). После таких впечатлений мог быть написан романс «Уж ты, нива моя», ор. 4 № 5 о глубоких раздумьях главного персонажа, его разговором с нивой как с живым внимающим собеседником. Окружающая природа поражала, восхищала композитора, давала мощный импульс к творчеству. Были недели, когда буквально каждый день рождался романс. В этой связи показателен июнь 1912 г.: «В душе у каждого из нас» – 5 июня; «Муза» – 6 июня; «Буря» – 7 июня; «Арион» – 8 июня; «Ветер перелетный» – 9 июня; «Сей день я помню» – 10 июня; «Оброчник» – 11 июня.

Каждое лето Рахманинов проводит на природе – на даче или в имениях, в гостях у друзей: семьи Лысыковых (1893 г.), в имении Коноваловых (лето 1894 г.), в имении Игнатово (с мая 1897 г.), но чаще в Ивановке, где может хорошо отдохнуть и плодотворно трудиться. Композитор обязательно уезжает в имение, на природу для восстановления творческих сил. Уезжает туда, где другой образ жизни, мыслей и чувств, иное восприятие событий, туда, где чувствует душевное отдохновение. Для него, как и для многих деятелей дореволюционной русской культуры, малой родиной была провинциальная русская усадьба, которая «с самого начала

своего существования стала тем формированием, которое способствовало восстановлению все более утраченной в городе связи человека с окружающей природой, восприятие ее как неотделимой притом важнейшей части материальной усадебной среды, созданию здесь на этой основе особой духовной атмосферы. Природа, казалось, пронизывала все мельчайшие частицы сложного организма, который определяется понятием «усадьба». Рожденный здесь симбиоз природы и культуры у русских композиторов-классиков получал художественно-звуковую форму воплощения...» (Юдина В., 2013, с. 360–361). Лето 1898 г. Рахманинов провел в имении Путятино Владимирской губернии, в гостях у певицы Татьяны Спиридоновны Любатович, где собралось артистическое общество. В Путятино приезжал и Савва Иванович Мамонтов. Сергей Васильевич принимал участие во всех увеселениях молодежи — в походах за грибами, прогулках, вечерних беседах... Такой характер общения летнего «усадебного стиля», когда переплетались задушевность и остроумие бесед, потребность в творческих спорах и жажда поделиться впечатлениями о поэзии, литературе, театре, свойствен русской интеллигенции разных времен.

Позднее Рахманинов познакомился с актерами и режиссером Художественного театра К.С. Станиславским, дорожил этой дружбой, что запечатлелось в создании необычного романса-поздравления «Письмо К.С. Станиславскому от С. Рахманинова». Романс был написан в октябре 1908 г. в Дрездене к десятилетнему юбилею Ху-

дожественного театра и передан Ф.И. Шаляпину для исполнения его на торжественном вечере в Москве. Оригинальна сама идея такого поздравления и способ его написания не на стихотворный, а собственный прозаический текст письма композитора. В таком решении произведения ощущается теплый и доброжелательный юмор дружеского общения с юбилярами.

В легком стиле шуточных зарисовок в разные годы были написаны еще два романса. Любовь к театру проявилась в изобразительности романса «Крысолов», ор. 38 № 4, написанного в 1916 г. Романс очень необычен: он танцевальный, остро-ритмичный, с изысканным гротескным юмором, иронично-игривый, в нем многое идет от театральной изобретательности. С таким же легким юмором воспринимается романс-шутка «Икалось ли тебе, Наташа?», написанный вне опуса летом 1900 г., во время пребывания композитора в имении Красненькое Воронежской губернии, где композитор проводил и лето в 1899 г. в семье своей ученицы-пианистки и певицы Елены Юльевны Крейцер. «Большой одноэтажный дом, окруженный садом и цветущим лугом, недалеко лес и река Хопер, гостеприимные хозяева – все это располагало к творчеству. Сюда приезжали Сатины... Молодежь совершала прогулки, много музицировала» (Соколова О., 1983, с. 52).

В имении была огромная библиотека. Рахманинов нашел стихотворение П.А. Вяземского «Эперне», посвященное Денису Давыдову, и торжествуя возгласил: «Эврика!». Он непременно решил написать на эти слова музыкальную

шутку. Вот что рассказывает в «Воспоминаниях о моем учителе и друге С.В. Рахманинове» Елена Юльевна Жуковская: «Когда Сергей Васильевич прочитал это стихотворение, он сразу заменил обращение “Икалось ли тебе, Давыдов?” – словами “Икалось ли тебе, Наташа?”, слова “Когда в подвалах у Моэта” – словами “Когда в воронежских подвалах” <...> слова “Любя наездника-поэта” – словами “Любя Наташу-поэтессу” <...> Сергей Васильевич взял книжку и с довольно загадочной и самодовольной улыбкой ушел к себе <...> на следующее утро сообщил, что романс уже написан <...> Когда он показывал нам свои новые романсы, он их пел. На этот раз он и пел, и аккомпанировал себе с особенно подчеркнутой выразительностью; он просто сиял от удовольствия <...> Мы, конечно... смеялись, и он сам был очень доволен своей шуткой»¹.

Лето 1900 г. Рахманинов решил провести в Италии в дачном местечке Варацце под Генуей, где ждал его со своей семьей Шаляпин. Композитор хотел там поработать, однако сильная жара, отсутствие привычного деревенского приволья и покоя мешали ему. Он тосковал по России и вскоре возвратился на родину, снова поселился в Красненьком у Крейцеров, где жил почти до октября. Композитор много работал, период кризиса, начавшегося в 1897 г., сменился творческим подъемом. «Тяжелая депрессия, длившаяся около трех лет, обернулась для него “периодом интенсивнейшего накопления творческих сил, а может быть, и сознательно-го критического пересмотра творческих позиций”, – как отмечал известный советский исследова-

тель А.А. Соловцов» (Соколова О., 1983, с. 57).

В начале апреля 1902 г. в Ивановке Рахманинов пишет романсы ор. 21, среди них № 6 «Отрывок из Мюссе» и № 7 «Здесь хорошо». Обращает на себя внимание некий смысл последовательного размещения в опусе этих романсов. В них изображаются прямо противоположные эмоциональные состояния главных персонажей: остродраматический монолог в романсе «Отрывок из Мюссе» и умиротворенно созерцательное состояние – в романсе «Здесь хорошо». Думается, не случайно для этих романсов композитор выбрал одну и ту же основную тональность – *fis-moll*. Кажется, что семантика одинаковой тональности могла бы повлиять на художественное восприятие слушателем ее красок. Но инерции семантического восприятия не происходит, напротив, в опыте композиторской работы с одной тональностью видится продуманная задача.

Для достижения передачи сопоставляемых состояний композитор использует полярные средства выразительности музыкального языка: контрастные темпоритмические составляющие, различную плотность сопровождающей фактуры, тонально-гармоническую палитру. Такое соседство романсов впечатляет в связи с философским подтекстом резюме. Два романса, как две картины сопоставления драматического накала чувств и светлого мировосприятия, наводят на размышления о разительном контрасте психологического переживания героя в повествовании романса «Отрывок из Мюссе» и изумительного мира природы, в который погружен главный

персонаж романса «Здесь хорошо» (вольного простора, где растворяются все тревоги).

Можно предположить, что такое необычайное воздействие природы ощущал и сам композитор, а потому испытал потребность поделиться своими удивительными впечатлениями. «Любуясь окружающим его пейзажем, вдыхая живительный запах всего растущего вокруг, прислушиваясь к тишине, композитор переживал волнующее ощущение слияния с природой. Зрительные и слуховые впечатления переплавились в нем в звучания. Он испытывал потребность излить в музыке свое восприятие и понимание мира, восторженное состояние души» (Емельянова Н., 1984, с. 67). «В лучших традициях дворянской усадьбы Ивановка олицетворяла для Рахманинова образ Дома как пространства реализации его жизненных планов, приложения всей жизненной энергии» (Юдина В., 2013, с. 364), а по словам филолога В.Н. Топорова, «музыкосферой» – местом вдохновения, радостей и раздумий, сомнений и страданий, где художник живет и творит, где реальное личное и историческое преломляет в художественное» (1988, с. 67).

Осенью 1906 г. Рахманинов решил пожить за границей. На зиму с семьей уехал в Дрезден, но на весну и лето возвратился в Ивановку. О жизни Сергея Васильевича в Ивановке, об окружающей обстановке, которая его вдохновляла к творчеству, можно прочесть в письмах композитора. В одном из них проявление теплого душевного отношения ко всему, что связано с этим именем: «В твоём письме, я ещё прочел с удовольствием, что Вам

“было хорошо в Ивановке”. Это мне очень приятно, так как комплименты Ивановке мне не безразличны, а очень трогают. Мне тут так хорошо, что я уже начал считать с тоской дни отъезда, и каждый вечерний чай я со вздохом убавляю еще одну цифру в общем числе». И через год в письме другу Никите Семеновичу Морозову: «Ивановка и мне и моим по-прежнему нравится.. и я продолжаю до сих пор еще изредка сожалеть, что я потерял столько времени в Италии» (Илешин Б., 1981, с. 78–79). «Усадьба как родина, привычное и дорогое сердцу место, “приют спокойствия, трудов и вдохновенья”, давала особые силы, питала необыкновенной творческой энергией» (Юдина В., 2013, с. 361).

Сергей Васильевич признавался, что не любил город и при возникающей возможности всегда стремился на природу, в имение, где привольно дышалось и плодотворно работалось. Такие устремления и позывы души и сердца нашли отклик в словах романса «Покинем, милая...», ор. 26 № 5. «Уже в марте Сергей Васильевич уезжал из города, в Ивановку. Он любил наблюдать за пробуждающейся природой, слушать, как дышит земля, как она наполняется живительными соками, яркой силой, как набухают почки на деревьях и растет молодая трава» (Илешин Б., 1981, с. 78–79). Ивановка – «туда я всегда стремился или на отдых и полный покой, или, наоборот, на усидчивую работу, которой окружающий покой благоприятствует... Положа руку на сердце, должен сказать, что и донныне туда стремлюсь», – писал Рахманинов в годы жизни за рубежом. «Усадьба как “малая родина” выступала своеобразным ме-

тафорическим пространством, обострившим пантеистическое мировосприятие и национальную идентичность художника, что через личные ощущения передавалось в его творчестве» (Юдина В., 2013, с. 376).

После отъезда из России, будучи глубоко русским человеком, Рахманинов тосковал по Родине. Сын Ф.И. Шаляпина в воспоминаниях пишет: «Ничто не могло заменить Рахманинову его родины. Он страстно, до болезни любил ее (и то обстоятельство, что он принужден был жить вдали от нее, заставляло его страдать и наводило уныние на его душу) <...> Сколько раз, бывало, часами вспоминали мы картины нашей родины. Березовые рощи, бесконечные русские леса, пруд на краю деревни, покосившиеся бревенчатые сарайчики и дождик, наш осенний мелкий, частый дождик... “Люблю наши серенькие деньки...”, – прищурив глаза и поглядывая на меня сквозь голубой дым папиросы, говорил Сергей Васильевич»².

Осенью 1918 г., обосновавшись в Нью-Йорке, летние месяцы Рахманиновы проводили на лоне природы – в окрестностях Сан-Франциско, в небольшой деревушке Гошене или в дачной местности Локуст Пойнт на берегу залива Атлантического океана. «Сергей Васильевич много гулял, наслаждаясь природой, очень любил купаться и плавать в заливе или кататься на моторной лодке...» (Соколова О., 1983, с. 114). С 1924 г. летние месяцы Рахманиновы стали проводить в Европе, они по-прежнему стремятся жить на природе, снимая дачи в живописных местах разных стран.

Весной 1931 г. они посетили Швейцарию и приобрели участок

близ Люцерна на берегу Фирвальдштетского озера. Теперь сюда, в имение «Сенар», как его называли, соединив первые слоги своих имен и добавив начальную букву фамилии, стал приезжать Сергей Васильевич после изнурительных концертных гастролей (Илешин Б., 1981, с. 132). С весны 1934 г. семья прочно обосновалась здесь и проводила каждое лето. Когда обустраивали Сенар, Наталия Александровна подшучивала над тем, что Сергей Васильевич «собирается из Швейцарии сделать Ивановку, приготавливая такое ровное, плоское место для луга и сада...» (Соколова О., 1983, с. 131). Перед домом был разбит луг с обилием цветов. «В память о родине Сергей Васильевич посадил у дома три березы и с большой любовью за ними ухаживал» (Соколова О., 1983, с. 132). В имении «Сенар» как и прежде радушно принимали множество гостей, и по русской традиции, как когда-то в Ивановке, пили чай за столом в саду.

Лето 1942 г. Рахманиновы провели в Лос-Анджелесе, где жили их друзья. Бывшая у них в гостях русская певица Юлия Фатова вспоминала, как в один из вечеров в доме Рахманиновых собрались друзья, кто-то заиграл на рояле, она запела, а затем услышала голос Сергея Васильевича: «Голубушка, спойте еще... Ведь так редко приходится слушать такой задушевный голос и такую передачу. Ваши песни – подлинная Россия, которую мы все любим и которой нам, живущим здесь, в Америке, так не хватает. Пойте, прошу вас, только пойте много и долго» (Соколова О., 1983, с. 153).

В американском Беверли-Хилл был куплен последний небольшой

дом композитора. «“При покупке этого дома Сергея Васильевича прельстили, кажется, больше всего две березы, росшие рядом с его участком... Полюбилось ему еще его собственное дерево – громадная пушистая лиственница, росшая у подъезда”, – вспоминала Софья Александровна Сатина» (Соколова О., 1983, с. 154). Сердцу было дорого все, что напоминало ему «...родные российские места в Подмоскowie, под Новгородом, на Тамбовщине» (Илешин Б., 1981, с. 131), как отголоски «малой родины», поскольку она «...символизировала особенности, свойственные “Родине большой”» (Юдина В., 2013, с. 360).

В приобретении дач за рубежом и природного участка для строительства дома видится стремление Рахманинова перенести на новую почву привычный с ранних лет образ жизни в русской усадьбе, потребность композитора воплотить ее атмосферу, прекрасный образ, глубоко запечатлевшийся «памятью сердца» как мир, дающий душевный покой, умиротворение, жизненную энергию. Можно предположить, что эти события выражают желание Сергея Васильевича вновь обрести ту необходимую внутреннюю гармонию и творческую питательную среду, которую он чувствовал в России. Но среды, располагающей к камерному творчеству, Рахманинов уже не обрел, он больше не обращается к жанру романса, передающему субъективные переживания, сокровенные чувства. Видимо, теперь композитор ощущал другие интересы слушателя, другие жизненные ориентиры, преобладание урбанистической атмосферы, иной ритм жизни, а значит, и потребность в иных жанрах.

На известный вопрос корреспондента нью-йоркского музыкального журнала, о том, что должно быть содержанием музыкального творчества, Рахманинов ответил: «В музыке должны найти отражение родина композитора, его любовь, вера, впечатлявшие его книги, любимые картины. Она должна быть продуктом всей суммы жизненного опыта композитора. Изучите шедевры любого великого музыканта, и вы поймете в них все аспекты его личности

и окружающей среды... Я русский композитор, моя родина определила мой темперамент и мировоззрение. Моя музыка – детище моего темперамента, поэтому она – русская» (Илешин Б., 1981, с. 129). Именно для того, чтобы глубже понять содержание музыки Рахманинова, мы изучаем страницы его жизни, среду и истоки, которые питали чувства, мысли, впечатления композитора и послужили импульсом к созданию гениальных произведений великого мастера.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Воспоминания о Рахманинове / ред. З. Апетян. Т. 1. 4-е изд., доп. М.: Музыка, 1974. С. 300.

² Воспоминания о Рахманинове... С. 273.

ЛИТЕРАТУРА

Емельянова Н.Н. Ивановка в жизни и творчестве Рахманинова. Воронеж, 1984. 159 с.

Илешин Б.И. ...И голубые небеса. М.: Сов. Россия, 1981. 172 с.

Лихачев Д.С. Поэзия садов. СПб.: Наука, 1991. 372 с.

Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 2: Письма. М.: Сов. композитор, 1955. 583 с.

Соколова О.И. Сергей Васильевич Рахманинов. М.: Музыка, 1983. 158 с.

Топоров В.Н. К понятию «литературного урочища» (Locus poesiae). I. Жизнь и поэзия (Девичье поле) // Литературный процесс и проблемы литературной культуры: Материалы для обсуждения. Таллин, 1988. С. 61–68.

Юдина В.И. Музыкальная культура российской провинции: Дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2013. 425 с.

REFERENCES

Emel'yanova, N.N. (1984), *Ivanovka v zhizni i tvorchestve Rakhmaninova* [Ivanovka in the life and work of Rachmaninov], Voronezh, 159 p. (in Russ.)

Ileshin, B.I. (1981), *...I golubye nebesa* [...And blue skies], Sovetskaya Rossiya, Moscow, 172 p. (in Russ.)

Likhachev, D.S. (1991), *Poeziya sadov* [Poetry of gardens], Nauka, Saint Petersburg, 372 p. (in Russ.)

Rakhmaninov, S.V. (1955), *Literaturnoe nasledie. T. 2: Pis'ma* [Literary heritage. Vol. 2. Letters], Sovetskii kompozitor, Moscow, 583 p. (in Russ.)

Sokolova, O.I. (1983), *Sergei Vasil'evich Rakhmaninov* [Sergey Vasilyevich Rachmaninov], Muzyka, Moscow, 158 p. (in Russ.)

Toporov, V.N. (1988), "To the concept of «literary tract» (Locus poesiae). I. Life and poetry (Maiden field)", *Literaturnyi protsess i problemy literaturnoi kul'tury: Materialy dlya obsuzhdeniya* [Literary process and problems of literary culture: Materials for discussion], Tallinn, pp. 61–38. (in Russ.)

Yudina, V.I. (2013), *Muzykal'naya kul'tura rossiiskoi provintsii* [Musical culture of the Russian province], D. Sc. Thesis, Saint Petersburg, 425 p. (in Russ.)

Сведения об авторе

Уткина Марина Владимировна, доцент кафедры камерного ансамбля, струнного квартета и концертмейстерского мастерства Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки

E-mail: umv5@mail.ru

Author Information

Marina V. Utkina, associate professor of the Department of Chamber Ensemble, String Quartet and Concertmaster Skills at the M.I. Glinka Novosibirsk State Conservatory

E-mail: umv5@mail.ru

Поступила в редакцию 03.04.2023

После доработки 02.05.2023

Принята к публикации 15.05.2023

Received 03.04.2023

Revised 02.05.2023

Accepted for publication 15.05.2023